

Автор: Зелинская С. (Россия)

Господи, благослови!

Уважаемый Пауль Тиллих!

Мы с вами не встретились в этой земной жизни: я родилась в 1965 году 27 февраля, а вы ушли из жизни 22 октября. Мы одновременно были на земле всего 8 месяцев, но я была слишком мала, а вы больны, умирали, и жили мы в разных странах: вы — в Америке, я — в Советском Союзе. Но мы с вами встретились через вашу работу в марте 2009 года. Я психолог, учусь и одновременно преподаю в экзистенциальном институте, провожу по вашему произведению «Мужество быть» групповые занятия со студентами.

Если честно, то я с трудом согласилась на встречу с вами — читать вашу книгу и проводить занятия по вашей работе. Меня чуть ли не заставил это сделать мой руководитель — директор нашего института. Я согласилась прочитать вашу работу по послушанию руководителю, личного душевного стремления у меня не было. Почему? Да потому что я не люблю философию, я в ней ничего не понимаю, не обладаю философскими знаниями, не ориентируюсь в философских течениях и мирах, да и цели у меня такой нет, мне это не интересно, не мое это — и все тут. Когда открыла вашу книгу — сразу же заблудилась в ней... сплошные рассуждения, рассуждения и никакой жизни. Никаких историй про жизнь и никаких чувств и переживаний, сплошные умные философские слова. Я столкнулась со своим сопротивлением — «не хочу и не буду это читать!» Но мой руководитель настаивал.

Уважаемый Пауль Тиллих, еще надо учесть, что я себя не очень хорошо чувствую — болею, с декабря 2006 года мне поставлен диагноз — рак молочной железы, вот уже год я лежу прикованная к постели, спасаюсь приемом огромного количества обезболивающих средств. Конечно же, мне трудно бывает, и я думала, что зачем мне и без того сложную жизнь усложнять знакомством с тем, с кем и чем я не хочу знакомиться. К тому же от постоянного физического дискомфорта я стала нетерпеливой, часто беспричинно раздражительной, и мне бывает достаточно трудно совершать над собой усилие, заставлять себя делать то, чего делать не хочется.

Уважаемый Пауль Тиллих, что меня еще очень сильно смущает в нашем с вами общении, так это то, что вы не православный человек, вы — пастор, протестант. Это ставит какую-то преграду между мной и вами, ничего с этим не могу поделать — такое мое устройство души на данный момент. Сейчас, в болезни, я могу читать только православные книги, меня они утешают и спасают. Душа моя просит всего православного. Так что это еще одна преграда в наших отношениях. Смотрю на портрет православного митрополита Антония Сурожского — близкий он мне и родной, к самому

сердцу моему близкий. И я знаю, что в этой моей реакции главное — дух православия, дух благодати Божьей, исходящий от него. Когда думаю сейчас о митрополите Сурожском Антонии, вспоминаю, как он любил всех людей, всех конфессий, почему я так не могу? У меня пока еще так не получается, просто любить людей, ведь это дар Божий, милость Божья, пока же я вот такая слабая и не укрепленная в своей вере, боящаяся инакомыслия и хотящая припадать и насыщаться только у одного спасительного для меня берега. Время моей христианской любви к каждому человеку еще не пришло, я еще слишком мала в православии и вера моя еще очень слаба, поэтому во мне наблюдаются такие страхи и опасения, преграды и затруднения в общении. Простите меня, ради Бога, несовершенную и неумелую. Я очень стремлюсь научиться любить всех людей, но у меня еще пока очень плохо это получается.

...Постепенно я себя переломила. Сроки проведения занятий со студентами подходили, и я заставила себя разобраться в вашей наукообразной книге «Мужество быть». Я сама писала диссертацию и написала около тридцати научных статей, достаточно скучных, занудных, их может читать только определенное количество людей — таковы требования научной среды. Поэтому я понимаю, что ваша книга тоже подвержена влиянию вашей университетской, академической жизни. В конце концов я взяла благословение на работу с вашей книгой, скачала в Интернете вашу фотографию, чтобы видеть вас и встретиться с вами душами, и ... дело пошло. И мы встретились с вами. Чему сейчас я очень рада!

После первого глубинного знакомства с Вашей книгой я была ошеломлена! Для меня было открытие, что верить в Бога, лично встретиться с Богом, принять полное безусловное принятие и любовь несовершенного человека Богом — это высшее проявление мужества. Меня потрясли эти ваши мысли! Прошло немного времени, и родилась идея этого с вами разговора, где я хочу вам выразить свое признание и просто поговорить о том, что меня волнует. Я захотела рассказать вам, как меня изменила болезнь: об обретении мною мужества, о становлении самой собой, об обретении единства с таким большим количеством людей и о моей личной встрече с Богом. Только глядя в лицо смерти, я вдруг осознала, что вера в Бога, жизнь с Богом — это мужество и неотъемлемая часть жизни человека. Мне захотелось описать вам мои отношения с Богом на протяжении всей моей жизни, посмотреть на них вместе с вами. В немощи Сила Божья проявляется, так вот, я хочу описать, как я с каждым днем обретаю силу, становлюсь мужественнее, человечнее, мудрее — я это чувствую изнутри очень хорошо. Живу часто одним мгновением, переживая, казалось бы, непереносимые состояния, которые проходят сквозь меня; я уже не всегда боюсь их входа в меня, знаю, что они обязательно закончатся и что их необходимо перетерпеть и быть за них благодарной Богу.

Вы наверняка не желали бы, чтобы люди, читающие вашу книгу, заучивали ее содержание. Думаю, вы хотели бы, чтобы ваше произведение наводило на размышления и помогало обрести читателям мужество жить — это произошло со мной.

В этой статье я буду разговаривать с вами. Все, что вы мне будете говорить, будет помещено в кавычки и взято из вашей книги «Мужество быть».

В своей работе вы описываете гравюру Альбрехта Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол», которую художник создал как иллюстрацию к последней книге Нового Завета, «Апокалипсису». На сегодняшний день содержание этой гравюры очень похоже на содержание моей жизни. Я как рыцарь Христов с этой гравюры. Он — вооруженный путник — медленно едет вдоль обрывистого лесного склона. Он достаточно суровый, в максимилиановских доспехах, с копьем в руке, верхом на боевом коне. Поднятое забрало открывает отрешенное и суровое лицо. Он спокойно сидит в седле. Спокойствия мне в моем состоянии часто не хватает! Он очень целеустремлен, тверд духом. И твердости духа тоже! В грозном виде воина в то же время есть какая-то нелепость, беззащитность чудака, роднящая этот персонаж с Дон-Кихотом. Рыцаря сопровождает мохнатая собака — символ верности своим убеждениям, своей вере. Также рядом с рыцарем находятся зловещие фигуры смерти и дьявола. Они корчатся, угрожают, пытаются сбить бесстрашного рыцаря с пути. С рыцарем поравнялась злобная смерть — мертвец на тощей костлявой кляче. Она, наставительно кивая головой, показывает путнику песочные часы — его жизнь, может быть, на исходе, они символизируют краткость человеческой жизни. Сзади плетется дьявол в облики рогатого зверя, со свиной головой, увенчанной причудливым гребнем. Меня постоянно искушает дьявол своим стремлением разрушить мои только что созданные и найденные отношения с Богом. Я часто чувствую себя находящейся в каком то мрачном ущелье, как и этот рыцарь. Я постоянно призываю себя не бояться трудностей на моем пути к «небесному замку» — Царству Божьему и встрече моей с Господом. Всадник на гравюре, минувя призраков, продолжает путь. Не оглядываясь, он непоколебимо движется к только ему ведомой цели. Вера, убежденность в своей правоте придают ему смелость в этом сложном и мрачном месте. Воин на гравюре верен Живому слову Христа, Истине, он верит в то, что если он достойно пересечет этот трудный участок пути — свою жизнь, то его ждет вечное блаженство. Этот рыцарь — христианин, упорно следующий к Небесному граду, который представлен на гравюре в образе замка, венчающего скалу на заднем плане. Рыцарь продолжает свой жизненный путь, несмотря на искушения дьявола и неотступную близость смертного часа. В своей работе, вы, Пауль, пишете, что «бесстрашный, сосредоточенный, доверчивый всадник смотрит вперед. Он один, но он не одинок. В своей уединенности он соучаствует той силе, которая придает ему мужество утверждать себя вопреки всему отрицательному, что присутствует в человеческом существовании. Мужество доверия этого рыцаря — это личное доверие, основанное на личной встрече с Богом. Рыцарь имеет возможность прямо, всем своим существом встретить безусловное и вступить с ним в непосредственные, личные отношения». Встреча Бога и человеческой души — это уникальная, личная встреча. При этой встрече человек обретает свое человеческое я и свой внутренний и внешний мир. Моя встреча с Богом — это основное событие и факт моей сегодняшней жизни. Без этой встречи — меня бы уже давно не было на этом свете, я это точно знаю.

Читая вашу книгу, я часто спрашиваю себя: была ли я когда-нибудь в жизни мужественной? Только сейчас... только сейчас... только сейчас — надеюсь. И самое главное мое мужество на сегодняшний день — это Богообщение, доверие воле Божьей, моя личная встреча с Богом. Что является, как вы пишете, высшим проявлением

человеческого мужества.

Вы ищите определения понятия «мужество» и находите. «Величайшее испытание мужества — это готовность пожертвовать собственной жизнью...» — только сейчас, находясь в пространстве между жизнью и смертью, мне кажется, я обрела это мужество, я могу умереть, чтобы взять на себя свои грехи, сама за них заплатить и не оставить ничего из моего тяжелого и греховного своим потомкам... «Мужество — это универсальное знание о том, что такое добро и зло. Здесь мужество сливается с мудростью», — этому я только учусь, размышляя каждый день над Заповедями Божьими... «Мужество — это сила духа... Мужество становится Верой, Надеждой и Любовью!»... я понимаю, о чем говорите вы... «Мужество — это душевная сила, позволяющая выстоять в ситуации предельной опасности. Мужество дарует утешение, терпение и опыт». Я каждый день вымаливаю у Бога даровать мне терпения, стойкости и спокойствия! «Мужество — испытывать радость жизни». Всю мою жизнь я была перегружена тревогами и страхами. Я училась чувствовать радость, но это у меня не очень-то и получалось. «Радость — это серьезное дело, радость есть счастье души, возвысившееся над всеми обстоятельствами. Радость — это эмоциональное выражение мужественного «да» по отношению к своему истинному бытию...» Оказывается, что мужество — это еще и способность радоваться по-настоящему! «Самое великое мужество рождается из полного отчаяния...» — о! теперь я это знаю... «Мужество утверждать себя вопреки греху и вине. Мужество осознавать собственную вину заставляет задавать вопрос о спасении...» — это тоже стало моим опытом. Ницше мужественно смотрит в бездну небытия в полном одиночестве человека, которого достигла весть о том, что «Бог умер». Для меня Бог жив, и я смотрю в мир будущей реальной или загробной жизни, находясь рядом с Богом, соединенная с Богом, в этом мое отличие от Ницше. Для меня Бог жив, бессмертен, и Он постоянно находится рядом со мной, во мне, вокруг меня. Я долго шла к вере в Бога, «вера в Бога побеждает тревогу судьбы и смерти, благодаря тому, что человек становится причастным Богу, который принимает на себя судьбу и смерть». Я долго не понимала того, что Бог соучаствует в моем страдании, что Он страдает вместе со мной.

Оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что всю жизнь я была отчаянной трусихой, ни о каком мужестве быть собой, быть с другими и быть с Богом не могло быть и речи. Я бежала от себя, предавала себя и свое предназначение постоянно, отношения с людьми строила исходя из собственной выгоды и эгоизма, а от Бога отворачивалась и постоянно пряталась. Я всего боялась, и часто моя тревога зашкаливала... Я всю жизнь боялась честных собственных ответов на вопросы о смысле своего существования, которые бы вели к серьезным изменениям в моей жизни. Моей жизнью никогда не руководил мой разум, а только мои желания и страхи. «Мужество быть — это мужество утверждать нашу собственную разумную природу», — вот уж это самая моя слабая сторона. Я всегда боялась делать выборы в своей жизни, участвовать в своей собственной жизни, пряталась за сильных людей, жила их жизнью, не относилась с ответственностью к своей жизни. Бог же мне дал жизнь, и он меня спросит, чем я ее наполнила, чему посвятила — я об этом не думала. Думала, что спрячусь не только от необходимости делать в жизни выборы, но и от ответов перед Богом. Не было мужества жить!

Никогда не боялась темы смерти, играла с ней, заигрывала. Думала о смерти часто и как бы звала раннюю смерть в свою жизнь — не было у меня мужества быть частью жизни окружающих меня людей! Я как бы отрицала саму жизнь, что является, по вашему выражению, «проявлением малодушия». В то же время я хотела быть долгожителем и прожить жизнь как-то правильно, по-человечески.

Я никогда не осмеливалась рисковать собой, жертвовать собой — никогда! Я очень боялась испытывать боль, мне казалось, что в моей жизни и так уже слишком много боли, я стремилась избежать всякого страдания, надеялась, что это возможно. «Все прекрасное столь же трудно, как и редко...», а я всегда думала, что то, что трудно — не естественно и не правильно, поэтому всегда искала легких путей.

Мне очень нравятся ваши мысли: «Личная встреча человека с Богом — это крайнее проявление индивидуализации. Мужество, возникающее в этой встрече, есть мужество доверия по отношению к той личной реальности, которая проявляется в религиозном опыте. Такое отношение можно назвать личным общением с источником мужества».

Далее вы описываете вину и мужество принять приятие. «Мужество быть — это мужество принять самого себя как принятого вопреки своей неприемлемости... Мужество быть есть мужество принять прощение грехов как опыт, на котором основана встреча с Богом». Да. Это подтверждает мой личный опыт. Я смогла встретиться с Богом только после того, как почувствовала, что Господь может меня простить. «Принятие Богом, акт Его прощения и оправдания — вот единственный и предельный источник мужества быть... Тот, кто соучаствует в Боге, соучаствует в вечности. Но для того, чтобы соучаствовать в Нем, необходимо, чтобы Он тебя принял, а ты принял бы Его приятие тебя... Человек способен принять божественное прощение, только если в нем действует сила приятия, то есть сила благодати». Когда я хоть чуть-чуть исправляла свою жизнь по заповедям Божьим, я ощущала действие Благодати — это ни с чем не сравнимый подарок внутри тебя — пребывающий и действующий, и ты понимаешь, что это действует не что-то твое, а Бог действует внутри, Он посетил тебя, недостойную. Это необыкновенный опыт.

Вы пишете о вере: «Вера — это состояние захваченности силой самого-бытия. Мужество быть есть выражение Веры. Человек, захваченный этой силой, способен утверждать себя потому, что он знает: он утвержден силой самого-бытия... Безусловная Вера в Бога — говорит «да» бытию». Как можно жить без Веры в Бога — я знаю... это жить захваченностью собой, своими хотениями, самоволием! Это — «нет» всему существу.

Вы пишете: «Быть частью Церкви — значит обрести мужество быть, которое не дает человеку утратить свое Я и помогает ему обрести свой мир»... Да, когда я воцерковилась — это момент потери своего Я ради других людей, и установления мира внутри меня. Мне очень нравится часть вашей работы, посвященной мужеству быть с Богом.

Вы пишете: «Все формы мужества восстановлены в силе Бога. Корень мужества быть — тот Бог, который появляется, когда Бог исчезает в тревоге сомнения»...

Итак, я начну рассказывать о себе и о самом главном — моем Пути к Богу, обретении силы духа и стойкости перед лицом тяжелой болезни и угрозы смерти.

Я родилась в Ростове-на-Дону. Моя семья — это папа, мама, старшая сестра и я. Все мои взрослые родственники были атеистами, активно строили счастливое будущее, были преданными идее коммунизма. О Боге в семье папы молчали, как будто Бога не существовало, к верующим людям относились как к темным невеждам, верящим в небылицы. Мой папа умер некрещеным. Я его перед смертью просила покреститься, он ответил, что потом, когда-нибудь, может быть, он покрестится. Папа умер от алкоголизма, в одиночестве, очень страшно и тяжело; наша семья его бросила. Я сожалею, что не была рядом с ним, что мы с ним так и не смогли при его жизни преодолеть существующую между нами пропасть.

В маминой семье тоже не было ни одного намека на присутствие Бога, хотя и дедушка и бабушка — из глубинки, из-под Иваново, наверняка были крещеные. Дети все их, и мама в том числе, были некрещеными. Маму я упросила покреститься за несколько лет до смерти. Мама умерла от рака груди, когда мне было 30 лет.

Моя профессиональная жизнь: я закончила педколледж и Ростовский университет, факультет психологии. После педколледжа я некоторое время работала воспитателем в детском доме, затем 3 года воспитателем в детском саду, потом около года психологом в областной больнице в детском гематологическом отделении (там лечились дети с раком крови, и мы старались помочь им психологически). После этого 9 лет в Донском педколледже психологом. Затем преподавала курс «Психология любви» в ростовских вузах, параллельно работая практикующим психологом в частном кабинете.

Воспоминания. Мне лет пять, папа, когда бреется, поет песню про Бога: «Кто сказал, что Бога нет? Я его вчера видал. Без штанов в одной рубашке пятилетку догонял...» Вот так мне папа рассказал, кто такой Бог. Из этой песенки я поняла, что Бог есть, но он нищий и бездомный, как безумный бегаёт по улицам за маленькими детьми пяти лет. Мы с папой смеялись, когда он пел эту песню, наверное, нам с папой просто хорошо было вместе, дело не в песне... но эту песню я почему-то запомнила на всю жизнь.

Помню, мне года 4-5, и кто-то из детей сказал, что черт есть, и он очень страшный, и если я скажу слово «черт», то он придет ко мне и заберет меня. Я очень боялась этого. Этот страх до сих пор еще где-то живет в душе моего маленького внутреннего ребенка.

В детском садике (а я была на пятидневке) я воспринимала Ленина как очень главного и близкого для себя человека, без которого просто невозможно жить, которого я очень любила и готова была за него стоять горой. Особенно мне нравился кудрявый, очень милый мальчик Володя Ульянов.

В детском саду на прогулке я гуляла как-то отдельно от всех детей. На территории росло очень много высоких деревьев. На деревьях было много больших птичьих гнезд.

Из гнезд постоянно падали и разбивались птенчики-желторотики. Они были маленькие, голенькие, влажненькие, с желтыми клювиками. Я их собирала и хоронила, делала им красивые могилки, и на могилки ставила крестики, сделанные из палочек. Откуда я знала, что на могилку надо ставить крестик? Сейчас не могу понять; вот бы спросить у себя маленькой, что бы она мне сказала?

Вот такой мир был в моем детстве — я боялась черта, смеялась над Богом, считала верующих несчастными, отсталыми людьми, знала, что на могилах должны стоять кресты, а Ленин, наверное, у меня стоял на месте Бога.

Мне было лет восемь, подруга моей старшей сестры пришла к нам в гости и шепотом сказала, что у нее есть огромная настоящая Тайна, которой она может со мной поделиться, если я никому ничего не скажу. Я пообещала молчать. Она сказала, что ее бабушка тайно привезла фотографию Бога, и она мне может вечером ее показать. Я согласилась. Вечером в пустой квартире мы с ней сидели на каких-то низеньких стульчиках, и она держала в ладонках фотографию Иисуса Христа. Мы с ней молча, в полной тишине смотрели на Него, а потом она сказала: «Какой Он красивый», — спрятала фото в бабушкин чемодан на самое дно, и я пошла домой. Помню, что этот опыт я положила в свою душу куда-то отдельно от всего, что со мной происходило.

Годы средних и старших классов — годы совсем без Бога. Все, что было связано с Богом — для меня было низким каким-то. Воистину, что у человека должно располагаться сверху его внутреннего устройства, в то время было у меня внизу, Бог у меня точно был далеко внизу, а сверху — «гордый человек, строитель своего счастья!» Как жаль...

Мне 22 года, я очень любила обоих родителей, когда они не ссорились. Но они ссорились слишком часто, и я была втянута в их отношения. Папа уже очень много и часто пил, был жесток к маме и, когда мы защищали маму — к нам. Я стояла на стороне мамы, осуждала папу и мечтала отомстить ему за все слезы мамы. Я очень часто участвовала в драках между мамой и папой, и папа меня все время «побеждал». И я придумала себе выход — найду себе парня, который физически отомстит папе за все наши страдания. Я нашла такого человека — отца моей дочки. Наш «роман» длился 2,5 года. В 23 года я родила нашу дочку, через полгода он, как и договаривались, избил моего папу, и я его оставила, потому что наши отношения на этом закончились. Слава Богу, что у меня хватило ума сохранить дочке папу, на сегодняшний день дочка и ее папа часто общаются, они есть друг для друга — как родные, близкие люди. Отец моей дочки родом из Ростовской области, родился в деревне. До развода, летом он меня и годовалую дочь повез знакомиться со своей мамой. Когда его мама узнала, что я и моя малышка не крещеные, она очень испугалась и срочно нас покрестила. На крещение мы летели на грузовике в соседнюю деревню, опоздали, я духовно не была готова креститься, ничего не понимала, что происходит. Запомнила только то, что теперь у меня новое имя — Фотиния. Встречи с Богом не произошло, я просто покрестилась. Крестик я то носила, то нет, часто теряла крестики, в храм не ходила.

Мне было стыдно ходить в церковь (сказывались атеистические корни), мне

казалось, что я предаю свою семью. Я долгое время не могла перекреститься. Бога в храме я не искала, я не знала, что с Ним можно искать встречи и встретиться. Многого в религии не понимала. Мне просто было хорошо сидеть в храме, когда там никого не было из людей — это меня успокаивало. А на службах я стоять не могла совсем, меня выкручивало наизнанку. Я непрерывно ходила по храму, мешая верующим молиться. Мне было душно, тесно, скучно, все раздражало. Мне было хорошо, когда я покидала стены храма. Очень трудно мне было найти себя в храме и свое место в нем. Сейчас, Слава Богу, этого нет, я хорошо чувствую себя в храме, и мое местечко — самый отдаленный уголок, лучше которого ничего нет для меня.

Постепенно я стала покупать православные книги. Я не могла читать богословскую литературу, мне нравилась только житийная. Когда я читала житие праведного человека, я восхищалась его жизнью, чувствовала его духовную силу и просила его о помощи в моих делах. Эти книги меня не приводили к Богу, а приводили к верующему, любящему Бога человеку. Так в то время моими близкими духовными друзьями стали еще не прославленные в лике святых раба Божья Ксения Петербургская, старица Матрена Московская, Иерусалимский дедушка Феодосий Кавказский.

После прочтения жития рабы Божьей Ксеньюшки Петербургской я поехала в Петербург. Я ехала только к Ксеньюшке, поэтому все свое время проводила на Смоленском кладбище. Я приходила туда рано утром, а уходила вечером. Я плакала там безостановочно, и получала утешение, мне там и только там было хорошо и спокойно. Как-то рано утром перед отъездом в Ростов я ехала в часовню к Ксеньюшке... В метро никого не было, я, усталая от бессонной ночи, сидя дремала, и вдруг я приоткрыла глаза, и мой взгляд упал на босые старческие ноги, которые стояли в вагоне метро напротив меня. Вагон был пуст, в нем были только я и эта женщина. Я подняла взгляд и стала рассматривать босую женщину с палкой в руках. На ней была одета ночная рубашка, а поверх нее красная юбка и зеленая кофта, волосы слегка растрепаны, взгляд необыкновенно спокойный и добрый. Она протянула ко мне руку и сказала что-то успокаивающее и про Бога, что-то «Господь тебя хранит». На следующей станции в метро вошла толпа народа, а старушка исчезла. Я находилась в ступоре, у меня только звучало в голове, что одета Она была как Ксеньюшка. Сейчас я знаю, что это была Ксеньюшка Петербургская. И эта физическая встреча в метро была результатом моей с ней духовной Встречи. В Ростов я ехала, пообещав матушке Ксеньюшке ничего не пить и не есть, пока не войду в ростовскую квартиру — это была моя маленькая жертва в благодарность за милость ко мне этой святой.

1994 год — мы с дочкой живем в общежитии, так как у нас дома жить было невозможно — у папы прогрессировал алкоголизм, открылась белая горячка. Мама под Новый год пришла к нам с вещами и попросилась пожить с нами. Помню, я шла по ночному морозному городу в страшном отчаянии, думая о судьбе и страданиях своего отца. Я больше не могла этого видеть, слышать, терпеть. На следующий день мама уехала домой, и мне в общежитие позвонила соседка, сказав, что вчера вечером мой папа умер — 5 января 1993 года. Мне было 28 лет. Через два года, 20 сентября 1995 года, от рака груди умерла моя мама — это было очень тяжело, очень. Слава Богу, мама соборовалась перед смертью, исповедалась, причастилась, и мы ее похоронили

по-христиански.

После смерти мамы к нам в квартиру родителей переехала пожить моя однокурсница, которая давно была в православии и собиралась уходить в монастырь. Так вот, что-то со мной произошло, у меня открылся религиозный фанатизм, я как-то страстно собралась все продавать и ехать спасаться в монастырь, в Оптину. Мне казалось, что конец света уже близок и необходимо срочно бежать от мира. Я не только говорила, но и начала действовать: одну из комнат квартиры я превратила в комнату для молитв, обвешала полностью ее иконами, молилась сама, заставляла молиться маленькую дочку. У меня к тому времени была огромная психологическая библиотека — так вот я собрала все книги, мешков двадцать, и сожгла их! Доченька тоже в костер принесла свои книги о гномах и о волшебниках! Это было символическое самоубийство, самосожжение! Очень импульсивный акт... никому не нужный... ни Богу, ни мне, ни людям! Потом я об этом сильно сожалела, меня «отбило» от церкви и от Веры лет на 7, а года через 3 я полностью восстановила сгоревшую библиотеку! Страстные люди — духовно слабые люди! В душе Бога не было, а было много страха, злости и обиды, и веры, что неистовая погоня за духовностью поможет мне преодолеть эти страсти. Мне очень неприятно об этом вспоминать. Жалкое зрелище.

Сразу после «костров» я и восьмилетняя дочка поехали в Оптину Пустынь. Мы приехали, и я помню, как мы устраивались в гостиницу для паломников. Мы подошли к монахине, которая распределяла места в общежитии и карточки в трапезную для послушников. Передо мной в очереди стояла женщина, и ей досталось послушание — с утра до вечера стирать белье в прачечной — она обрадовалась послужить Господу, благодарилась Ему и вся светилась — это была жена священника, как я потом узнала. Я испугалась не на шутку. Я понимала, что мне нельзя давать такого послушания, что я немощная в духовном отношении, что все во мне начнет протестовать и бунтовать. Об этом я сказала монахине, дающей послушания, и слезно ее просила по моей немощи духа дать мне легкое послушание. Она с жалостью посмотрела на меня, крепкую, высокую, упитанную, здоровую физически, вздохнула и спросила: «Для Вас будет не очень трудно перед началом утренней и вечерней службы протирать с раки святых пыль тряпочкой?» Мне было стыдно, но это был мой уровень, только такое послушание мне было тогда по силам — и я согласилась. Так получилось, что куда бы в Оптиной я не шла, я постоянно нарушала правила, и меня ругали, ругали и ругали. А в конце случилось чудо, из скита вышел старец для общения с людьми, к нему на прием стояла большая очередь, я ее отстояла, и мне удалось поговорить со старцем обо всем, что меня волновало. Доченька минут 15 тоже говорила с дедушкой, он потом подозвал меня и сказал, чтобы я не обижала дочку, «потому что она — наша, Божья», да, он так и сказал. О чем ребенок так долго говорил со старцем — неизвестно. Я спрашивала старца о работе психолога, о том, что хочу все бросить и уехать из города — спасаться. Он решительно запретил это делать и попросил меня успокоиться и остановиться, работать там, где я работаю. «Хорошо, что на Вашем месте находитесь Вы — православный человек» — сказал он мне. Какая я была православная, Вы уже знаете — одно название.

Идея с переездом угасла, но спокойствия не наступило. Я так устала от себя, от

своих метаний и крайностей, я поняла, что духовность — это очень серьезно и пока не для меня, что я могу с ума сойти реально, что у меня нет внутреннего стержня, а есть только желание сделать все правильно и кому-то угодить, что я очень подвержена влиянию окружающих... этот опыт помог мне увидеть себя и ужаснуться... После этого опыта у меня начался долгий период протеста против всего религиозного. Я на многие годы забыла дорогу в храм, спрятала все иконы, вывезла из дома на дачу или раздарила все православные книги. Тема Веры и Бога в нашем доме стала запретной темой. С подругой-сокурсницей, которая ушла в монастырь, я порвала всякие отношения, считая ее виноватой в пожарах и в моем пошатнувшемся психическом здоровье.

Бедная моя дочка! Я сначала деспотично насильно вела ее к Богу, а затем как бы отреклась от Него — при ней. Я совсем не думала о своем ребенке — только о себе — так стыдно! В то время я как бы забыла, что она живет рядом со мной, что надо о ней хоть иногда думать...

От 33 до 39 лет — самый страшный период в моей жизни — годы без Бога, годы богоборчества, агрессии, нарушения всех заповедей... в итоге — полное опустошение. Самым основным в эти годы был мой гнев на мертвых родителей, я их судила с утра до утра и ненавидела их за все. Я не ходила к ним на кладбище специально — это тоже был акт мести. Я даже умудрилась взять тему диссертации о психологическом статусе взрослых детей из алкогольных семей, куда скачивала все свои обиды и гнев. Я остервенело нарушала пятую Божью заповедь о почитании родителей и не задумывалась об этом, считала себя имеющей полное право на гнев.

С каждым годом у меня прогрессировал страх жизни, росла внутренняя опустошенность. Я не жила духовной жизнью. В душе все так же предавала анафеме родителей, жила лишь телесно — ела, спала, ходила за покупками, превратилась в домохозяйку, много курила, часами бездумно смотрела сериалы, убивала время и иногда выезжала в фирму к частным клиентам, с которых за свою работу брала большие деньги и которым врала, что я востребованный лучший психотерапевт города. Иногда посещала развивающие психологические семинары и писала дневники — два года назад я сожгла 23 тетради дневников того периода, они живо и очень правдиво описывали мое страшное на тот период состояние, читать их было невозможно. Еще у меня была жуткая булимия и навязчивый интерес к порнопродукции: журналам, газетам, видеофильмам, секшопам. Душа моя погибала от бессмысленности моей жизни.

После смерти родителей, ведя пустую жизнь, я, как заведенный механизм, каждые 40 дней ездила в Иверский женский монастырь и заказывала о дочке и о себе службы: сорок обеден, неусыпаемый псалтырь. Мне было страшно жить без прикрытия благодатью. В храм я не ходила, на исповеди и причастие крайне редко, а службы заказывала регулярно и обязательно. Если за нас не молились — я теряла покой!

В своей жизни я погибала от пустоты, от бессмысленности собственного существования, от отрыва от людей, от предательства своей миссии. Мне внутренний голос говорил, что мне необходимо служить беззаветно людям, реализовывать идеи добра. Я уже так устала от собственного зла! Помню, в юности творческая пара

ростовских прогрессивных педагогов предложила мне работу в детском доме — мне надо было согласиться, потому что это было мое! Это было судьбоносное предложение, но я отказалась. С того момента моя жизнь стала катиться под откос! Я стала выбирать работу, где можно ничего не делать или мало делать, я стала носиться с собой, боясь перетрудиться, и в конце концов стала частным психологом, с высокой оплатой и редкой востребованностью и с массой свободного времени, которое я не знала куда девать и использовала его для личной деградации.

Из всех психологических тем меня больше всего привлекала Психология любви. Я хотела разгадать загадку любви, но у меня это пока никак не получалось. Любить я не умела и не знала, что это такое.

Мне 39 лет. В личной жизни у меня полный крах. Я несколько раз падаю с 5-метровой высоты с лестницы и, как не странно, остаюсь целой и невредимой. Я в полном одиночестве, пустоте и отчаянии.

Я решаю освоить Интернет. Захожу первый раз в жизни в какой-то чат и знакомлюсь с моим будущим мужем, очень похожим на меня человеком, находящимся в таком же отчаянном состоянии. Мы переписываемся, становимся близки. Я узнаю, что у нас разница в возрасте 20 лет (мне 39, ему 19!), но оставить переписку с ним не могу — эта единственно живая связь с миром в тот период моей жизни. Через три месяца переписки и перезванивания мы договариваемся встретиться с моим будущим мужем, затем мы решаем жить вместе.

В этот период я часто переживаю отчаяние. Меня спасает лишь чтение акафистов матушке Матрене, матушке Ксеньюшке. Я столкнулась со своим диким животным страхом одиночества. Когда он нападает на меня, я катаюсь по полу и вою от ужаса, что не справляюсь с жизнью, что я совсем одна. Господь, наверное, стоял рядышком и ждал, чтобы я полностью оперлась на него, обрела в Нем силу, но я опиралась на людей, я не могла поверить, что на Бога, на того, кого я не вижу, я могу опираться. Я была слишком материалистична.

Мы стали жить втроем: я, муж, дочь. Мне казалось, что сейчас я начну жить своей жизнью, но не тут-то было. Я стала делать очень много глупостей: я захотела вернуть себе молодость, вела себя как 20-летняя, поменяла гардероб, похудела, подстриглась под мальчика, разговаривала по-молодежному, меня посетила нереальная для моего физического состояния мысль — родить ребенка. При том без вопроса: «Для кого и ради чего?» И без ответа на него, естественно. Я стала гнаться за молодостью... Зачем я это делала? Не знаю...

В первые недели нашей совместной жизни у нас случился пожар — от православной свечи. У нас все время дома горят лампы, я зажгла свечу, и мы с мужем пошли на кухню пить чай. Через полчаса из нашей комнаты валил черный дым, был настоящий пожар — предупреждение Господа, что впереди нас ждут серьезные испытания.

Потом я забеременела и испугалась этого... муж не работал, мы жили на мои средства. Я в глубине души боялась рожать, не шла к гинекологу, не бросала курить, физически себя не берегла, чего-то ждала. Вследствие многих фактов ночью 30 октября 2005 года я потеряла ребенка, случился выкидыш. Я плакала, несколько недель была в шоковом состоянии, в истериках... потом понемногу успокоилась, сделала на плече себе татуировку маленького ангела и продолжала бег дальше... бег в никуда... от себя, от Бога... или я так бежала к Богу?.. не знаю... я чего-то суматошно искала, что-то хотела понять, постичь, узнать, почувствовать... тревога поселилась в моей душе... Я за чем-то гналась... Хотела насладиться свободой, сделать все, что так долго не делала, выпустить джина из бутылки? Реализовать себя? Я понимала, что жила во Зле, теперь хотела начать жить для людей и в добре — но это у меня не получалось...

14 сентября 2007 года я поступила в психологический институт, о котором мечтала уже давно. Для того что бы поступить в институт, надо было пройти собеседование с его директором. Господь любит меня! Он подарил мне эту Встречу. Директор института стал для меня одним из важных людей в моей жизни, дальше я его буду называть Наставником. Тогда я этого еще не знала... Мы встретились, беседовали о моей жизни часа два, потом Наставник предложил мне написать на листочке три свои главные цели в жизни, я написала что-то про обретение единомышленников, рождение ребенка, исцеление, а потом поставила пункт четыре и напротив него написала — воцерковиться. Директор сказал, что четыре — это много, надо три цели, и я, не задумываясь, резко и смело вычеркнула «воцерковиться». Я до сих пор вижу, как я это делаю — вычеркиваю самую важную цель в своей жизни! Это было очень судьбоносно, Господь стучался изо всех сил в мое сердце, а я делала вид, что я ничего не слышу! Он всегда так любил меня, а я была глуха и нема к Нему. Мне страшен этот мой поступок. Такое ощущение, как будто я что-то подписала нечистой силе и в который раз отвернулась от Бога! Господи, сколько же у Тебя терпения и любви ко мне! Пожалуйста, никогда не оставляй меня, Господи!

Мы поженились 14 октября, а повенчались 15 октября 2006 года. К венчанию я подошла недостаточно серьезно, чисто внешне, как ко многому, что со мной тогда происходило. Я искала храм и батюшку, от которого можно было скрыть нашу разницу в возрасте, или который не придаст этому факту значения. Как будто от Господа что-то можно было скрыть! В общем, я «играла в прятки» с Богом. Я нашла такого батюшку и храм. Нас ни о чем не спросили, мы заплатили деньги и должны были только уже приехать на таинство венчания. Мы даже «не успели» попоститься, исповедаться, причаститься перед Венчанием — все некогда было. Зато тщательно мною выбирались наряды, все предлагающиеся брачующимся сервисные услуги, база отдыха. После Венчания мы уехали с друзьями на базу, веселились, танцевали, устроили фейерверк. Не было никакого намека на православную свадьбу. К Венчанию я отнеслась, как к желанному какому-то событию, сердце же мое было почти закрыто от Бога в тот момент. Можно сказать, что тогда я с благоговением относилась ко всему религиозному, боялась Бога, не знала, что Его можно любить, но все-таки земное было для меня более важным и осязаемым, чем Небесное. А Господь любил меня, на кресте церкви, когда мы венчались, сидели два голубя — словно наши души с мужем, их мы потом увидели на видеозаписи, которую делали наши гости.

Я постепенно понимала, что приобретаю много внешнего, моя жизнь заполняется внешними событиями и фактами, а душа моя как оставалась, так и остается пустой... меня это беспокоило, но менять я ничего не меняла, плыла по течению.

Болезнь — декабрь 2006 года, страшный диагноз. В ноябре 2006 года моя старшая сестричка мне сообщила, что у нее опухоль по-женски. У меня шоковое состояние! Через несколько дней я обнаружила обширную опухоль у себя на левой груди. Я поняла, что у нас семейная форма рака по женской линии: мама, сестра, я. Господи, только не доченька! Пусть ее минует чаша сия! Когда узнала о диагнозе и маммолог предложила мне операцию, я истерически смеялась, потом шла по парку мединститута и твердила с растерянной улыбкой на лице: «Нет! Нет! Нет!» Я отказалась от консервативного лечения. Следующие шесть месяцев я стала сама себе врачом — составляла план лечения и воплощала его в реальность. Под влиянием книг Луизы Хей, Шивани Гудмен, Валерия Синельникова, Георгия Сытина продумала себе систему лечения, направленную на три составляющих: на тело, душу и дух. Не случайно я сейчас написала в этой последовательности, потому что именно такая последовательность была в моей системе. Больше всего времени занимало прослушивание составленных мной программ с медитациями и оздоровительными настройками — я задурманивала свое сознание успокоительными, расслабляющими фразами и учила себя получать от жизни максимум удовольствия и наслаждения.

Опухоль предательски, тихо и постепенно, росла. Вначале моего лечения я верила, что меня могут исцелить диеты, физические упражнения, положительная самооценка и так далее. Может быть, кому-то это и помогло, но не мне. У меня дело было совсем в другом. Я делала ставку на всякие методы самоисцеления, даже считала, что меня может исцелить какой-то человек, но только не Бог! От Него я отворачивалась и бежала. Почему? Не знаю. Целостности не было. Я верила медитациям — и в тоже время знала, что любимое и родное для меня православие против всякого рода медитаций. Да, в глубине души я уже давно чувствовала, что православие для меня — это как Родина, как мама, что-то, с чем у меня очень прочная и родственная связь. Я знала, что православие — это мой Путь. Я это знала, но не могла отказаться от медитаций, мне было страшно без них. Пишу, и мне не по себе от той себя самой! Наверное, я была очень маленькой в психологическом плане — мне надо было успокоиться и усыпиться, а идти к священнику, слушать его, идти на операции, химии — это все серьезные и взрослые поступки. Я была к ним не готова! Все, что я здесь пишу — мой выстраданный личный опыт, я сейчас так думаю, это мои убеждения. Нельзя служить одновременно двум господам — Богу и дьяволу, а я служила, и меня это рывало на части! Чтобы прийти к Богу, надо быть взрослой, я же была инфантильная испуганная фантазерка. Мне надо было выбрать только Его — Бога, быть только с Ним — и это сделать главным. Полностью положиться на Его волю и делать по благословию и послушанию все, что мне скажет мой духовный отец. Я не готова была слушаться, покоряться, принять свою реальность! Смирения не было во мне. Я долгие месяцы не могла сказать «Да будет воля Твоя», сказать спокойно и серьезно. Душа вся рвалась к Богу, но мне постоянно мешало что-то встретиться с Ним, так много противодействовало этому движению. Для меня Бог почему-то ассоциировался со

смертью, с чем-то неизбежным, страшным, очень взрослым, серьезным, ответственным, без игр. Я так еще не умела жить, но мне очень хотелось так жить! Судный день пришел, а я все в игрушечки играюсь! Я остро ощущала свою душевную раздвоенность, я страдала от нее, но ничего поделать тогда не могла.

В июне 2006 года мы с мужем поехали в Дивеево к святому Серафиму Саровскому и к Матушке Богородице. На батюшку Серафима Саровского я как-то со стороны «посмотрела». Я с интересом разглядывала его нательные личные вещи из музея монастыря — он оказался человеком богатырского телосложения. Это так удивительно! Поездка была необыкновенной! Я горько плакала, когда мы уезжали.

В марте 2007 года мы поехали в Минеральные воды к святому Феodosию Кавказскому. Необыкновенная поездка. Я встретила с батюшкой, он стал моим родненьким святым.

Неоднократно я ездила в храм к мощам и в келью к святому Павлу Павловичу Таганрогскому. Тоже мой любимый батюшка. Раньше я его боялась, теперь я его любила всем сердцем. С удовольствием лежала на его лавочке.

Сентябрь 2007 года, поездка с институтом на фестиваль в Мариуполь. Я посещала все группы моего Наставника по житиям святых. У меня было полное ощущение и уверенность, что он знает тайны, которых я еще не знаю, и что мне можно их узнать. И что все эти тайны — про Бога и от Бога! Все остальные группы мне были неинтересны, там не было открыто заявленной православной темы. Я чувствовала, что моя Вера в Бога на тот момент — кисель, жидкая и хлипкая, а Вера моего Наставника — твердая и сильная, без сомнений, я это чувствовала, и меня это тянуло. Я тоже хотела, что бы моя Вера в Бога стала твердой! Но вместе с этим, я постоянно слушала в наушниках медитации, оздоравливающие настроения.

Ноябрь 2007 года — поездка с институтом в Санкт-Петербург к святому Иоанну Крондштатскому, к святой Ксеньюшке Петербургской и к талантливому психиатру Гнездилову Андрею Владимировичу. Вначале мы с группой слушателей пошли в гости к Андрею Владимировичу, организатору первого хосписа в России. Семинар проходил в его квартире, когда-то бывшей мастерской его матери — известного скульптора. Психиатр очень много говорил о смерти как о таинстве. И мне захотелось — вдруг — умереть у него в хосписе, на что он сказал, что лучше всего умирать у себя дома. Тогда я этого не знала, теперь полностью согласна с ним. И еще мне запомнился его разговор с православным умирающим, которого спросили, как и где он хотел бы умереть, на что он ответил, что ему не важно где, а важно, чтобы с молитвой на устах. Для меня это очень близко. Многие члены группы в ходе поездки часто пытались сделать что-нибудь со мной, чтобы я не слушала постоянно свои настроения, но все было безуспешно, я снимала наушники только на семинарах. Общение со мной было затруднительным и невозможным, я отгораживалась от людей. Тревога моя зашкаливала, я успокаивалась только в медитациях, слушая в наушниках свой спокойный и убаюкивающий голос, говорящий мне о любви к себе самой. Мой Наставник спросил меня, что я слушаю в наушниках, я ответила, что психосоматические упражнения, на что он сказал: «Самое

лучшее психосоматическое упражнение — это Служение людям». Конечно же, это так, но я к этому еще была не готова! Я ничего на тот момент не могла изменить! Мне было страшно, и я не выносила своего одиночества и страхов внутри себя, мне надо было каким-то образом пробираться в реальность и выдерживать, выносить ее.

В феврале 2008 года мне стало физически хуже — очень больно долго находиться в вертикальном положении, я начала много лежать днем, после приема клиентов.

В этот период я стала рисовать плакаты и завешивать ими все стены. «Я здорова! Я выздоравливаю день ото дня! Я крепну и здороваю с каждой минутой!» Какой самообман! Я хотела загипнотизировать себя и оздоровиться в этом гипнозе, но чудо со мной не происходило! Я так была перепугана реальностью, я не могла смотреть в лицо реальности, а тревога зашкаливала. Я медитировала в болезни и день, и ночь, слушала настрои и всякие «путешествия в страну здоровья», была зациклена только на себе, на своих страхах.

Тогда я еще немного работала, но не долго. Постепенно я отказалась от работы с клиентами, я никому из них не говорила, что тяжело больна. Мне казалось, что это очень стыдно — болеть раком. Что хороший психолог по определению никогда не заболит раком.

Постепенно всю свою комнату я обклеила плакатами типа «Я здорова и счастлива!», медитировала постоянно, без остановки. Пока в одно летнее утро не случилось что-то ужасное! Я проснулась в своей комнате с ощущением, что она полностью заполнена какими-то сущностями, была очень сильная плотность воздуха, комната была до отказа наполнена... бесами — огромными мерзкими существами. У меня жутко кружилась голова, и я помню только одно — их низкий, тягучий, отвратительный голос, шипящий на распев фразу направленную куда-то вглубь меня: «Она наша-а-а-а!!!». Мне трудно было пошевелиться, дышать, наконец, я собрала все свои силы, выключила медитативный диск, медленно встала и сорвала со стен все глупые, одурманивающие плакаты, перекрестилась на иконы и легла, дрожащая, под одеяло, призывая Помощь Господа!

Через неделю, 10 июня 2008 года, первый раз вызвали домой батюшку, он меня исповедал и причастил. 12 июня 2008 года он освятил квартиру. Только такая близкая встреча с нечистой силой смогла отвратить меня от медитаций. Слава Силе Твоей, Господи!

22 июня 2008 года батюшка соборовал меня. Я подготовилась к генеральной исповеди за всю жизнь, и батюшка исповедал меня. Причастилась. Мы договорились с батюшкой, что он будет приходить ко мне каждую неделю, исповедовать и причащать меня, поддерживать меня духовно, разговаривать со мной на волнующие меня духовные темы. Так батюшка стал моим духовным отцом. Спаси и помилуй, Господи, отца моего духовного!

После этого мне стало получше, но меня почему-то стали удручать голые стены в

моей комнате, и я вешала фото людей, которые достигли успеха — спортсмены! Думала, что и я достигну через них успеха! Что я исцелюсь! Я поворачивалась к Богу, но все еще верила, что смогу с помощью внутреннего настроения исцелиться, «игрушек» своих до конца я еще не бросала. Потом я повесила на стены еще и фото улыбающихся людей, счастливых и веселых — думала, что мне от этого станет веселей. Мол, смотри на веселое — и будешь весела! Какая глупость! Вся эта современная психологическая технология поверхностного позитивного мышления — это все для маленьких, инфантильных людей, которые играют в жизнь, а не живут — сейчас я это знаю.

Моя грудь с каждым днем становилась все хуже и хуже... она была вся покрыта язвами, ранами, на ней образовался огромный нарост... из этих язв и ран постоянно текла лимфа, а нарост — этот кусок мертвого разлагающегося тела — жутко вонял трупным запахом... это меня убивало... Боли постепенно стали нарастать, и я согласилась на консультацию онколога. Слава Богу! Приехал один онколог, другой — я от лечения отказывалась, да они не очень-то и предлагали мне уже лечение... В стационар я ехать не могла, я уже, можно сказать, была прикована к постели... Но самое важное то, что мне эти врачи не нравились, я им говорила «нет!» и всему, что они предлагали, тоже... Может быть, это моя опухоль говорила им «нет»? Я, как сейчас понимаю, тогда уже полностью потеряла критичность к своему физическому состоянию и была под психическим разрушительным воздействием моей опухоли. Мой Наставник в этот период моей жизни начал играть очень важную роль. Дело в том, что для меня только его мнение почему-то было авторитетным. Только его я слушала и слышала. А он настойчиво повторял «вам надо лечиться, вам надо лечиться, вам надо лечиться... в ином случае ваши действия будут расценены как самоубийство...» Я думала об этом. Он мне даже предложил поездку на Филиппины к хиллеру. Спасибо Вам, дорогой мой.

Мой Наставник, наверное, посещая меня, ставил перед собой две цели: убедить меня лечиться и помочь мне найти смысл моей жизни. Он предложил мне ответить на вопросы: «Что было не так в моей жизни? Что не то было в моей жизни?» Я исписала огромную тетрадь, перечисляя все то, что меня не устраивало в моем прошлом. Мне эта работа — честный и беспощадный суд над собой — очень помогла. А потом мне стало вдруг ясно, «что так в моей жизни — как я хочу жить». Я почувствовала всем своим существом, как мне жить. Причем я думала, что так, как я хочу жить, я начну жить после моего исцеления, наивная. Но Наставник и окружающие меня друзья сказали, что сейчас и именно сейчас, несмотря ни на что, надо уже так начинать жить. Вот какие хорошие люди. Спасибо им огромное! Это Господь, через людей, тащил меня из болота смерти и отчаяния, куда я так много лет погружалась.

После длительных раздумий я решила, что мне нужен не лечащий доктор, а доктор хосписа, который просто поможет мне спокойно умереть, то есть будет подбирать обезболивающие средства, чтобы я не орала от боли. И я нашла такого доктора, он пришел ко мне, но, посмотрев на меня, сказал, что умирать еще рановато и что он меня немного полечит. Затем он пригласил ко мне химиотерапевта. И незаметно для себя — все происходило стремительно! — я начала принимать первый курс химиотерапии на дому. Мне так трудно было в период химиотерапии, мне помогало только, если близкий мне человек садился близенько ко мне и читал мне житие старца Паисия Святогорца.

Так я постепенно прошла пять курсов химиотерапии.

28 августа 2008 года. Исповедь и Причастие. Взяла Благословение на работу с клиентами. 10 сентября 2008 года. Исповедь и Причастие. Хотела попросить у батюшки помощи в поиске сиделки для меня, но не решилась. После Причастия он сел рядышком со мной и сам мне предложил помощь, сказал, что от него позвонят из сестричества люди и помогут мне духовно, поддержат, чтобы я не унывала. Он как будто бы услышал мои мысли. Слава Тебе, Господи. Батюшка пригласил ко мне сестер милосердия, которые поддерживают меня духовно, все они стали моими родными, любимыми и очень близкими людьми. Слава Тебе, Господи! Дай, Господи, здоровья этим людям и их близким!

Разговаривали с Наставником. Я сказала: «Не идет молитва у меня!» На что мне он ответил: «Научись жить по-человечески, тогда Бог придет к тебе!» Я тоже так думаю, что мне сейчас не молиться учиться, а жизнь исправлять! А еще Наставник спросил: «Вы любите Иисуса Христа?» Я была в шоке от самого вопроса и от его прямоты. Этот вопрос помог мне повернуться и встретиться с Иисусом Христом. Наконец-то! Я приблизилась к Нему и сказала: «Я очень хочу любить Тебя!» Это кардинальный момент моего разворота к Богу.

3 ноября 2008 года я обрела еще один смысл в жизни — я решила начать серьезно молиться за всех поименно, кто просит моих молитв. Читаю православные книги, молюсь за всех моих клиентов и близких людей. Начала потихонечку ходить в храм — это самая моя большая радость! Сажу там, полулежа, на своем креслице.

3 декабря 2008 года. Слава Господу! Исповедь! Причастие! Мне сестра милосердия дала телефон старца из Ивановского монастыря. Духовник благословил позвонить ему. Господи, благослови дозвониться и получить благодатную помощь от батюшки. 4 декабря 2008 года. Позвонила старцу. Он сказал, что будет молиться за меня и за сестру. Благословил. Слава Богу за все!

25 декабря 2008 года я обрела еще один смысл жизни: моя духовная сестричка из сестричества сказала: «Хватит умирать! Живи между химиотерапиями, вари своей семье борщи, пришивай мужу пуговицы на куртку, убирай в доме, служи близким по мере сил, и это внесет в твою душу радость. Делай что-то по быту полезное, хватит умирать!» И это я начала делать, я начала жить.

Господь показал Крестный Путь, Он сам есть Путь. Страдание часть нашей жизни, раньше я отрицала это, теперь принимаю. Господь никому не дает креста выше сил, все каждому человеку, что происходит с ним — по силам. Болезнь искупает многие грехи человеческие. Моя душа сейчас, в болезни, как пирог в печке подрумянивается, выпекается и обретает красоту и вкусность — это я прочла у святого старца Амвросия Оптинского. Моя задача с терпением, с благодарностью нести свой крест и служить людям до конца!

Разговор с духовной сестренкой из сестричества. Я ей говорю: «Мне надо с

терпением нести свой крест, а у меня не получается!» Она отвечает: «Ну, какой у тебя крест? Крест был у Христа и святых — они большие, и у них был Крест. А у тебя, маленькой — крестик... твой маленький крестик. Неси свой крестик радостно и с благодарностью, он тебе по силам». «Господи, помоги мне, маленькой, понести свой маленький крестик» — часто прошу я в своих молитвах.

24 декабря 2008 года. Исповедь. Причастие. Не подготовилась, не вычитала всех необходимых молитв, Господи, прости меня, грешную. Решилась, Слава Богу, немного потерпеть муки на земле в своей болезни, приняла свой крестик, Слава Богу. А то до этого все в душе не соглашалась с болезнью, все боялась боли и всего того, что связано с болезнью. Теперь согласилась полностью потерпеть ради Христа, а потом после смерти будет великая радость — соединение в Вечности с Господом, если я смиренно свой крестик понесу. Господи, помоги моей немощи!

На стенах в моей комнате все так, как и должно было быть всегда — иконы, фотографии моих предков, фотографии моих дочери, мужа, сестрички и подруги, рисунки друзей. Я учусь рисовать, разучиваю песни Елены Фроловой. Я так часто ощущаю себя счастливой!

31 января 2009 года. Я провела занятие со студентами института по вашей книге «Мужество быть». Мне понравилось. Думала, что не справлюсь с вашей книгой, с ее содержанием, задержала Наставника, но потом втянулась, и все пошло с Божьей помощью. Наставник сказал, чтобы я взяла благословение на проведение этого занятия, тогда все будет хорошо — я взяла, и встреча удалась.

Удивительно, но если меня спросят, когда я была счастлива в своей жизни, я отвечу, что часто в детстве, потом когда работала в детском саду, а потом в болезни — очень, очень, очень часто! В болезни я постигла полноту человеческого счастья!

У меня улучшились мои отношения с родителями. Я поняла, что относилась к папе не как дочка, которая любит своего отца, а как его обиженная жена, желающая ему отомстить. Я с самого детства жила не своей жизнью, а жизнью мамы, ее чувствами. И это у меня отняло папу и отношения с ним. Я как ребенок выбрала любить не двух родителей, что было бы естественно для меня как для ребенка, а только маму, и защищать ее от папы, потому что я решила, что ей угрожает опасность и она сама, без моей помощи, с папой не справится. В общем, я сначала распутала этот комочек и разрешила себе любить папу, простила ему свои детские обиды и сказала, что их взрослые отношения с мамой меня не касаются, я слишком маленькая для этого. Затем я разрешила себе любить маму и простила ей свои обиды, выйдя тоже из их отношений с папой. Мне стало легче и свободнее.

5 ноября 2008 года. Мы с подругой, психологом, которая занимается расстановками, съездили на кладбище к моим родителям. Мы взяли с собой одеяло, и я полежала рядом с мамой и папой — с их могилами на земле. Мне вдруг стало так спокойно лежать рядышком с ними. Я им что-то говорила, плакала, плакала, плакала, просила меня простить. Я буду просить меня простить за период ненависти к ним, мне кажется, до конца моей жизни. Я их очень обидела, как бы убила их тогда в себе. Это страшно, что я

тогда себе позволила, это равносильно святотатству. В общем, ищу мира в душе и потихонечку его обретаю, по крупицам. Потом на кладбище прочла молитвы о родителях, это так как-то хорошо — молиться, глядя в небо, на открытом пространстве. Было ощущение, что когда я молилась, рядом со мной стояли папа, мама и Бог. Слава Тебе Господи!

Я подготовилась к смерти на бытовом уровне: в моей комнате есть черная коробка из-под сапог, на нее я наклеила иконочку Иисуса Христа — это мой символический гробик. В этой коробочке лежат вещи, в которых я хочу, чтобы меня похоронили, мое завещание, список людей, которых я хочу видеть на похоронах, и разные мои просьбы — как бы я хотела, чтоб выглядела моя могила. Как только я приготовила эту коробочку — я успокоилась... где-то в глубине души очень как-то хорошо стало, именно спокойно. Я была очень растеряна на похоронах своей мамы, мне бы помогли ее распоряжения... я хочу, что бы близким мне людям было спокойно в час моего перехода в мир иной.

У меня улучшились отношения с дочкой, с мужем, с сестренкой, появились настоящие друзья. С доченькой я примерно раз в полтора-два месяца разговариваю по душам. Она приходит ко мне сама за советом, и мы разговариваем с ней до двух-трех часов ночи. Я очень люблю наши разговоры.

Я терпимо и с любовью учусь относиться к инакомыслящим людям. Одна моя подруга увлекается медитациями, ездила в Индию, а я ее принимаю и люблю. Не всегда это удается легко, иногда долго мучаюсь, пока не открою в своей душе источник любви к этому очень хорошему человеку, к ней такой, какая она есть. Иоанн Богослов перед смертью ходил весь светящийся и говорил всем «Детки, любите друг друга. Это самая главная заповедь Божья». Я учусь по настоящему любить и принимать людей...

Постепенно, с Божьей помощью, я обретаю три вида мужества — мужество быть самой собой, мужество быть частью общности людей (я учусь служить людям), и у меня рождается мужество верить в Бога.

Я не знаю, что меня ждет впереди... У меня много планов и в случае выздоровления, и в случае смерти... Что решит Господь? Ему лучше знать, что спасительнее для моей заблудшей души.. Да будет воля Твоя, Господи. Слава Богу за все!

Дорогой Пауль Тиллих, спасибо вам огромное!

Под влиянием вашей книги я многое поняла, книга сделала меня сильнее, отважнее и мужественнее, я смогла переосмыслить свою жизнь, принять многое в ней. Мне захотелось до конца моих дней быть самой собой, быть с людьми — служить им и быть всегда с Богом! Это самые важные мои желания!